

«Дела поэта — слова его»

● К 200-летию со дня рождения В. А. Жуковского

ПОЭЗИЯ Жуковского — «поэзия чувства и сердечного воображения» (по известному определению А. Н. Веселовского). С нее начинается русская психологическая лирика.

Белинский писал, что «творения Жуковского — это... целый период нравственно-го развития нашего общества». В творчестве поэта нашли яркое воплощение гуманистические представления о человеческой личности как средоточии высочайших духовных ценностей. Нет как будто ничего более чуждого эпохе николаевского царствования, но именно благодаря этому лира Жуковского оказалась, как отмечал Пушкин, «решительное влияние на дух нашей словесности...».

Как поэт, Жуковский берет начало в предромантическом сентиментализме: на стыке культа природы — и экзотики, интимной душевной жизни — и иррационализма, интереса к «обыкновенному» человеку — и увлечения средневековой литературной готикой «тайн и ужасов»...

Свою роль сыграла тут и дружба с Н. А. Карамзиным.

...И вот — в декабре 1802 года на страницах карамзинского «Вестника Европы» появляется элегия Жуковского «Сельское кладбище». Сказать, что на утро он проснулся знаменитым, будет, пожалуй, слишком смело — тогда все происходило куда медленнее — и все-таки это был настоящий триумф! Да, и настолько серьезный и убедительный, что 19-летний сочинитель без колебаний бросает только что начатую службу (а весьма прозаической Московской соляной конторе) — с намерением навсегда посвятить себя литературе.

И — посвящает...

С САМОГО начала — и до конца — Жуковский отличался особым пристрастием к музыкальности слова: именно музыкальный образ помогал ему преодолевать смысловую косность «речевого» слова, которым, как казалось Жуковскому, невозможно выразить «невыразимое» (так и названо его программное стихотворение 1819 г.).

Еще Н. А. Полевой обратил внимание на то, чем «отличается Жуковский от всех других поэтов русских: это музыкальность стиха его, певучость, так сказать, мелодическое выражение, сладкозвучие... Будучи в этом самобытен... он очаровывает вас, пленяет дробностью метра, мелкими трелями своих звуков».

Лишь на исходе жизни Жуковский объяснил, почему музыкальная сторона слова наделена у него таким смыслом. В статье «О поэте и современном его значении», известной еще как «Письмо к Н. В. Гоголю», Жуковский отдает пальму первенства поэзии (из всех искусств) потому, что слово, по его мнению, «непосредственнее всех их из души истекает»...

ОТ СЕНТИМЕНТАЛИСТСКОЙ элегии, которая в его творчестве достигла высшего своего совершенства, Жуковский идет к балладе — жанру, с освоением которого в первую очередь связана его репутация реформатора жанровой структуры русской поэзии начала XIX века.

Успех этот объясняется в значительной степени тем, что жанр «подсвечивался» биографически: для Жуковского «жизнь и поэзия одно»...

Своеобразие его позиции первым и лучше всех разглядел Белинский: «До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией».

«**Д**ЕЛА поэта — слова его» — этот афоризм Жуковского был для него девизом всей жизни.

Разумеется, славе Жуковского достало бы и его бессмертных слов. Но...

Его деятельной, чувствительной, человеколюбивой натуре мало оказалось слов. Кроме слов — прекрасных, великих и каких угодно еще — были и дела. И дела никогда у Жуковского не расходились со словами.

Пробил час Отечественной войны — и убежденный в том, «что в это время всякому должно быть военным», Жуковский поступает в московское ополчение. Из этого дела рождается слово — знаменитое стихотворение «Певец во стане русских воинов» — перл, сияющий в нашей поэзии рядом с «Бородино» Лермонтова.

«Без Жуковского мы не имели бы Пушкина», — считал Белинский. И если мы обязаны Жуковскому еще и Пушкиным, то ведь в значительной степени благодаря тому же нерушимо единству слова и дела. Раз восхитившись юным лицейстом и его «Воспоминанием в Царском селе»: «Вот у нас настоящий поэт!», — Жуковский уже никогда не оставлял Пушкина своей поддержкой, был для него и «наперсником», и «пестуном», и «гением-хранителем», невзирая на острейшие творческие разногласия. И хлопотал, хлопотал по самым разным пушкинским делам — то перед папашкой, Сергей Львовичем, то перед царем... До самого смертного часа.

И едва отхлопотав и оправившись от горя по одному, — тотчас же, как сказочная какая-то добрая фея, принялся хлопотать о другом: и вот уже благодаря его вмешательству Лермонтова возвращают из ссылки...

Не было, пожалуй, в русской литературе другого такого хлопотуна. Не раз безжалостно осмеянный декабристами за приверженность идее «просвещенного самодержавия», Жуковский без конца хлопочет о смягчении их участи, навлекая на себя гнев царя. Это по его ходатайству был высвобожден из вятской ссылки — по существу, спасен — Герцен (уж и вовсе для Жуковского человек из завтрашнего дня). А сколько сделал он для освобождения из крепостной неволи Тараса Шевченко — и сколько еще! И за сколько изступился!

Урок высокой нравственной цельности, единства слова и дела — дела литературного и дела гражданского — этот урок Жуковского непреходящ и дорог и сегодня.

ЕГО УЧЕНИКАМИ считали себя Пушкин и Гоголь, Тютчев и Фет. Влияние его испытали молодой Лермонтов и молодой Некрасов. И — дальше, дальше... «Первым вдохновителем моим был Жуковский», — свидетельствовал А. Блок.

Удивительным стягивающим звеном в истории нашей литературы оказывается Жуковский: Пушкина связывает с Лермонтовым, а там — и с Герценом... Немецкую и английскую поэзию — связывает с русской. Меж поколениями, народами и эпохами — вот его место.

«Трепет объемлет душу, — писал Белинский, — при мысли о том, из какого ограниченного и пустого мира... в какой бесконечный и полный мир ввел он нашу литературу; каким содержанием обогатил и оплодотворил ее...»

Ввел — и оставил? Нет, это знал уже юный Пушкин:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И реванш вадумается радость.

Р. ДЕРИГЛАЗОВ.